

Игнатьева Анастасия Юрьевна

магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный

университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОБРАЗ ВОРОНЫ В ПАРЕМИОЛОГИИ РУССКОГО, ЧУВАШСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ: ОТ ГЛУПОСТИ К МУДРОСТИ

Аннотация: в статье рассматривается эволюция и аксиологическая двойственность образа вороны в паремиологическом фонде русского, чувашского и турецкого языков. На материале пословиц, поговорок и крылатых выражений демонстрируется, как один и тот же орнитоморфный код культуры может актуализировать семантику глупости и легковерия (восточнославянская традиция), медиативную функцию (чувашская паремиология) и символику архаичной мудрости, связанной с хтоническими культами (турецкая традиция). Делается вывод о континуальности образа вороны – от негативной маркированности к сакральной амбивалентности в зависимости от религиозного и мифологического контекста.

Ключевые слова: паремиология, лингвокультурология, образ вороны, русский язык, чувашский язык, турецкий язык, семантическая амбивалентность, орнитонимы.

Цель настоящей работы – выявить семантический диапазон образа вороны в пословицах и поговорках трех неродственных языков: русского (восточнославянская группа), чувашского (тюркская группа, болгарская подгруппа) и турецкого (тюркская группа, огузская подгруппа). Гипотеза: в паремиологии прослеживается континуум от глупости (русский ареал) к ритуальной мудрости (турецкий ареал), при этом чувашский язык демонстрирует промежуточную, медиативную модель.

Современные лингвисты проявляют особый интерес к зоонимам – наименованиям представителей животного мира в первичной номинативной катего-

рии. Эти языковые единицы выступают одним из способов реализации языковой картины мира – совокупности знаний, закрепившихся в коллективном сознании носителей языка. Этот феномен детально изучен такими учёными, как Н.Ф. Алиференко, Д.Ю. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и В.А. Маслова. При этом реализация языковой картины мира происходит через словесную номинацию, а её конкретные черты определяются культурно-историческими традициями народа.

Многозначность зоологических наименований, в том числе орнитонимов (названий птиц) представляет собой сложный лингвистический феномен, включающий номинативные, когнитивные и культурные функции, благодаря которым такие единицы обозначают не только объект, но и отношение общества к нему в языке [5, с. 281].

Образ вороны занимает особое место в народной картине мира. В мифопоэтической традиции ворона выступает как птица-трикстер, медиатор между миром живых и мертвых, носитель пророческого знания. Однако в паремиологии – самом демократичном слое языка – этот сложный мифологический багаж часто редуцируется до бытовых оценочных суждений.

В русском языковом сознании ворона устойчиво ассоциируется с отсутствием ума, доверчивостью и неуместной важностью. Наиболее репрезентативна поговорка: «Ворона в павлиньих перьях» (о человеке, который смешно и неудачно подражает кому-то высшему). Этот сюжет восходит к басне Эзопа, но в русской традиции закрепляется именно за вороной, а не за галкой.

Другой популярный образ – «Стреляный воробей» противопоставляется «вороне», которая даже после удара может не сделать выводов. Напр.: Ворона хоть и стреляная, а ума не нажила. Здесь ворона – антипод практического интеллекта.

Хотя у вороны высокий IQ, но в русском языке образ вороны символизирует глупость. Ворона как обычная птица умеет летать только прямо. Поэтому употребляются поговорки: Наобум только вороны летают, Прямо только воро-

ны летают, описывающие глупого человека, который делает что-то бесцельно или не думает о проблемах с другой стороны [2, с. 153].

Знаковая формула: «Глупая ворона» (фольклорный клише). В отличие от ворона (*Corvus corax*), который в русских сказках может быть вещим, ворона почти всегда комична или жалка. Единственное исключение – фразеологизм «Белая ворона» (о человеке, выделяющемся из сообщества), но здесь семантика не собственно мудрости, а знаковости.

Таким образом, в русской паремиологии доминируют:

- 1) глупость, наивность;
- 2) неуклюжесть, нелепая гордость;
- 3) отсутствие обучаемости.

Чувашский язык, сохранивший архаичные пласты тюркской мифологии, представляет образ вороны (чув. улак – ворона, курак – галка, иногда смешиваются) в более сложном свете. С одной стороны, ворона – птица дурных примет. Пословица: «Улак авърсан – начар сын килет» («Если ворона каркает – придет плохой человек»). Здесь ворона – негативный прогностик.

С другой стороны, в чувашских поговорках проявляется идея «вынужденной мудрости». Например: «Курак та йăвинче маттур» («И ворона в своем гнезде удалая») – смысл: всякий силен в знакомой среде. Это уже не глупость, а локальная компетенция.

Наиболее интересна поговорка «Улак синче хуплăх сук, унпа пёрле хупланмастăп» («С вороной не подружисься – от нее нет пользы»), но при этом существует контрпословица: «Улак каламасть – эсь пёлместён» («Ворона молчит – ты не знаешь»), намекающая на скрытое знание, которым ворона не делится.

В чувашской паремиологии ворона – не просто глупая птица, а маргинальный носитель скрытой информации, но эта информация чаще негативна. Переход к мудрости не завершен, однако амбивалентность очевидна.

Турецкий язык демонстрирует радикально иное отношение к вороне (karga). В турецкой паремиологии образ вороны часто наделяется интуитивной мудростью, выживаемостью и даже прозорливостью.

Классическая поговорка: «Karga uavrusuna bakmaz demeyin, karga kuzgunun uavrusuna bakar» («Не говорите, что ворона не смотрит за птенцом – ворона смотрит за птенцом ворона»). Здесь акцентируется родовое знание и забота, что для тюркского общества – высшая ценность.

Другая поговорка: «Karga karga gözünü oyar» («Ворона вороне глаз выключает») – в русском аналоге: «ворон ворону глаз не выключает», но в турецкой версии наоборот: подчеркивается внутренняя борьба, не сентиментальность, а жесткий реализм. Это не глупость, а знание природы сородича.

Наиболее яркий пример семантики мудрости: «Karga da akıllı kuştur, ama tüyleri yüzünden saygı görmez» («Ворона – тоже умная птица, но из-за черных перьев не вызывает уважения»). В этой паремии поднимается тема скрытого, неочевидного ума – истинной мудрости, которая не привлекает внимания.

В турецкой мифологии (особенно древнетюркской) ворона – вестница Тенгри, её карканье истолковывалось как пророчество. Паремии сохраняют этот реликт: Karga öttü, iş bitli («Ворона закаркала – дело запутанное», но в смысле «требующее мудрого решения»).

Полученные данные подтверждают гипотезу о направленном семантическом переходе. В русской паремиологии ворона десакрализована и осмеяна (вероятно, под влиянием христианской традиции, где ворон – нечистая птица, но ворона утратила даже библейскую амбивалентность). В чувашском языке, сохранившем элементы тенгрианства и исламские влияния, образ застрял в зоне недоверия, но не полного отрицания ума. В турецком языке (особенно в сельских говорах Анатолии) ворона осталась птицей с острым, неудобным знанием – не академической мудростью, а мудростью выживания.

Образ вороны в паремиологии трех языков демонстрирует, как культурный контекст перераспределяет аксиологические признаки зоонима. От отрицательной маркированности в русском («пуганая ворона куста боится» – трусость и

глупость) через чувашскую амбивалентность («ворона молчит – не жди добра») к функциональной мудрости в турецком («ворона свой дом найдет» – интуитивная навигация), мы наблюдаем не эволюцию значения, а актуализацию разных архетипов одного и того же природного вида.

Орнитоним содержит важную и интересную информацию об особенностях строения, оперения, окраса, повадков, голоса, гнездования, полёта, добывания пищи конкретной птицы [3, с. 55].

Список литературы

1. Курашкина Н.А. О некоторых особенностях диалектных орнитонимов / Н. А. Курашкина // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 28 ноября 2025 года). – Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2025. – С. 86–90. – EDN WXWYAI.

2. Ма Л. Символический образ «ворона» в русской лингвокультуре / Л. Ма // В мире русского языка и русской культуры: сборник тезисов V Международной студенческой научно-практической конференции (Москва, 23 апреля 2021 года) / отв. ред. С.Г. Персиянова, В.М. Филиппова. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2022. – С. 151–156. – EDN TMCNMA.

3. Магеррамова С. А. Орнитонимы, образованные от глаголов (на материале русского языка) / С. А. Магеррамова // Sciences of Europe. – 2025. – №165(165). – С. 52–55. – DOI 10.5281/zenodo.15532724. – EDN FKZAIN.

4. Пименова Н.Д. Символика птиц в английской и турецкой фразеологии: словарь / Н.Д. Пименова. – Казань, 2003. – 74 с. – ISBN 5-94981-041-4. – EDN QQZYUJ.

5. Ткач Д.В. Многозначность орнитонимов как способ реализации языковой картины мира (на примере лексемы «Die Ente») / Д.В. Ткач // Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: сборник материалов XXV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Красноярск, 29–30 мая 2025 года). – Крас-

ноябрьск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад.
М.Ф. Решетнева, 2025. – С. 281–283. – EDN VTOXVS.